

А. П. Медведев

О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН В ПОДОНЬЕ*

В первые века н.э. лесостепное Подонье было заселено сарматскими племенами, говорившими на одном из диалектов восточноиранских языков. На Среднем и особенно Верхнем Дону к настоящему времени открыты и исследованы курганные могильники и кратковременные сезонные поселения, оставленные сарматами, которые и в лесостепи вели привычный для кочевников образ жизни¹. Комплексный анализ археологических и письменных источников с высокой долей вероятности позволил установить их племенную принадлежность. Скорее всего эта группировка лесостепных сарматов была известна александрийскому географу II в. н.э. Клавдию Птолемею под именем «*сарматы гиппофаги*»². В глубинных районах лесостепи, на Верхнем Дону и Воронеже сохранилось местное досарматское население, генетически связанное с «геродотовыми будинами» предшествующего скифского времени. В основном оно проживало на хорошо укрепленных городищах, рядом с некоторыми из них обнаружены большие сарматские могильники. Сейчас на многих лесостепных городищах выявлены яркие следы присутствия сарматов³. По-видимому, оседлое верхнедонское население какое-то время находилось в зависимости от воинственных кочевников. Археологические материалы позволяют проследить сложные процессы миксации этих двух групп населения с изначально различными хозяйственными укладами. Во всяком случае, они не оставляют сомнений в том, что на Верхнем Дону во II—III вв. дело шло к образованию нового этноса, в котором все более важную роль играли местные, хотя и сильно сарматизированные племена. Однако около середины III в. этот процесс был прерван — верхнедонские могильники по какой-то причине перестали использоваться и вскоре были заброшены. Вероятно, этим событием завершился многовековой период господства в Донской

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по гранту № 98-06-03496.

© Медведев А. П., 2002

лесостепи ираноязычных кочевых народов, теснейшим образом связанных со степным «скифо-сарматским миром».

Еще недавно считалось, что верхнедонские могильники позднесарматского времени завершают эпоху раннего железного века в лесостепном Подонье. После них начиналась археологическая «лакуна» протяженностью почти в полтысячелетия вплоть до появления в Подонье в VIII в. алан (салтово-маяцкая культура) и восточных славян (боршевская культура). Поэтому на картах во всех обобщающих исследованиях по археологии и истории Восточной Европы наш регион обычно занимает белое пятно⁴. Ситуация стала быстро изменяться с начала 90-х гг. XX в., когда в слоях городищ и поселений по р.Воронеж и на Верхнем Дону были встречены не только отдельные находки, но и целые жилые комплексы, резко отличающиеся от хорошо известных материалов городищ и курганных могильников I — середины III вв. Несмотря на очевидную культурную неоднородность этого нового для археологии Подонья пласта памятников, все они обнаруживали совсем иные генетические корни преимущественно в западных по отношению к Подонью культурах позднеримского времени Среднего Поднепровья, где, как известно, именно в это время шли бурные этнокультурные процессы формирования славянства⁵. Все это побудило автора в начале 90-х гг. поставить вопрос о возможности появления на Дону ранних славян еще в III—IV вв., т.е. примерно на полтысячелетие ранее, чем было принято считать до этого времени⁶.

Последующие исследования, прежде всего А. М. Обломского, позволили выделить на Верхнем Дону две группы памятников рубежа древности и средневековья: типа Каширки—Седелок и типа Чертовицкое III — Замятино. Первые он уверенно датировал второй половиной III в., вторые — концом IV—V вв.⁷ По моему мнению, и среди последних есть материалы, заставляющие отодвинуть их нижнюю хронологическую границу в III в. Этническую принадлежность верхнедонского населения, оставившего памятник типа Каширки, А. М. Обломский специально не рассматривал. Он отметил лишь его близость сейминско-донецкому варианту киевской культуры. В рамках общей «ретроспективной» концепции принадлежности ее древностей праславянам, он, видимо, допускает распространение последних и на Верхний Дон. Население, проживавшее на поселениях типа III Чертовицкого городища, А. М. Обломский вначале полностью вывел за рамки этнокультурных процессов, связанных с расселением носителей традиций культур «полей погребений» в восточном на-

правления. Он считал, что они оставлены местным «скифоидным», по его терминологии, населением, которое находилось под культурным воздействием пришельцев с запада⁸. Правда, несколькими годами позже, уже после своих раскопок на поселении Замятино 8, исследователь существенно сместил акцент в пользу признания и за этой группой в качестве основного культурообразующего киевского компонента в том же его сейминско-донецком варианте⁹.

Примерно в те же годы на Хопре А. А. Хрековым были открыты поселения и грунтовые могильники с сожжениями и изделиями круга «варварских эмалей», которые он отнес к так называемому инясевскому типу¹⁰. Позже он предложил выделить их в отдельную археологическую культуру, названную по эпонимному памятнику инясевской¹¹. С самого начала А. А. Хреков верно атрибутировал эти древности как постзарубинецко-раннекиевские и датировал их концом II — серединой III в. Мне кажется, что, судя по находкам бронзовых пряжек с квадратным выступом в основании язычка, некоторые из них могли существовать и несколько позже, по крайней мере до конца III в. А. А. Хреков первый связал эти древности с ранней историей славян, видимо, исходя из широко распространенной среди археологов-славистов концепции участия носителей киевской культуры в этногенезе восточных славян¹². Однако помимо обычных археологических аналогий и ссылок он пока не привел никаких дополнительных аргументов в пользу славянства населения лесостепного Прихоперья первых веков н. э., оставивших памятники инясевского типа.

Таким образом, к концу XX в. на территории лесостепного Подонья стали известны помимо сарматских три группы разновременных памятников II—V вв. Каждую из них исследователи прямо или косвенно увязывали с уже известными прото- или раннеславянскими древностями Среднего и Верхнего Поднепровья. Я считаю выявление и изучение этого нового пласта памятников наиболее важным открытием в археологии нашего региона на исходе XX в. По существу теперь речь идет о включении его в зону этно-исторических процессов, которые ранее археологами прослеживались только в Поднепровье в рамках развития классических зарубинецкой, позднезарубинецкой, киевской и черняховской культур. Как известно, впоследствии выросшие из них этносы во многом определяют этнокультурный облик ранне-средневековой Восточной Европы.

Открытие в лесостепном Подонье древностей 2-й четверти

I тыс. показало, что наш регион в общем-то не стоял в стороне от тех, во многом еще не ясных процессов, в результате которых на арену истории вышли первые славяне. Сейчас наступает время верифицировать гипотезы о раннем появлении славян (или точнее еще праславян) на Дону и Хопре. Но вначале несколько слов о методах археологических доказательств славянства той или иной древней культуры. Обычно археологи-слависты используют два пути: ретроспективный и так называемых «этнизирующих» признаков.

Ретроспективный метод состоит в поиске более ранних археологических культур-предшественников, родственных достоверно славянским. Их славянская принадлежность может быть доказана только при условии, что они, будучи близки между собой, увяжутся в типологической и хронологической последовательности с раннесредневековыми древностями VI—VII вв., славянство которых надежно подтверждают письменные источники. Только так археологически можно доказать генетическую культурную преемственность, а значит, и возможную принадлежность их носителей к этнически родственным группам по линии «предок — потомок»¹³. Этот метод весьма успешно «работает» в регионах, где развитие культуры происходило последовательно, без резких внешних импульсов, связанных, например, с войнами и вторжениями других этносов, приносящих традиции иной культуры. Как видно, Донская лесостепь с ее открытыми ландшафтами мало соответствует этому условию, особенно если учесть, что интересующие нас древности относятся к эпохе Великого переселения народов, название которой говорит само за себя. В археологии европейской части России она проявилась многочисленными разрывами в линиях развития не только степных, но и лесостепных культур, массовыми передвижениями народов, иногда на очень большие расстояния, что, безусловно, способствовало развитию процессов культурной миксации. Локальным проявлением этой эпохи, видимо, и были те волны переселенцев с запада, которые оставили исследуемые группы памятников III—V вв. на Верхнем Дону и в Прихоперье. Сложность применения ретроспекции к древностям лесостепного Подонья состоит еще и в том, что в отличие от лесостепного Поднепровья здесь пока не известны раннеславянские памятники VI—VII вв., с которыми их можно было бы сопоставить.

Не менее широко археологи применяют и метод «этнизирующих» признаков», которые считаются надежными археологическими маркерами этнической культуры ранних славян. В ранне-

славянской археологии в качестве таковых используется известная «триада»: 1) своеобразный тип жилища в виде небольшой четырехугольной в плане полуземлянки с печью в одном из ее углов; 2) обряд трупосожжения на стороне с последующим захоронением праха в урнах или ямах почти без сопровождающих вещей; 3) грубая лепная керамика определенных типов¹⁴. Древние культуры, которые соответствуют этой «модели», признаются раннеславянскими. Если попытаться применить такой подход к верхнедонским древностям типа Чертовицкое — Замятино, то в них мы найдем не более двух признаков (1 и 2) «раннеславянской модели культуры», а на Хопре в памятниках инясевского типа — скорее всего лишь один (2). Правда, почти такая же картина наблюдается и в других восточноевропейских культурах 2-й четверти I тыс. н.э., в том числе тех, славянская принадлежность которых очень вероятна. Дело, видимо, в том, что «модель культуры» не представляет своего рода ее застывшего на века каркаса, она сама менялась, иногда довольно быстро, в зависимости от конкретных исторических условий. Таким образом, одного сходства «моделей культур», тем более не по всем трем «этнизирующим» признакам, по-видимому, еще недостаточно для вывода о культурной преемственности между ними. Пожалуй, за исключением автора, этот метод другими исследователями к донским памятникам III—V вв. еще и не применялся. Все существующие этнокультурные оценки древностей Верхнего Подонья и Прихоперья базировались на аналогиях с лучше изученными культурами «полей погребений» Поднепровья и Днepro-Донского междуречья. Поэтому в исследовании по древней этнической истории нужно оценить не только корректность этих аналогий, но и правомерность сделанных на их основе выводов.

Начнем с наиболее ранней группы памятников инясевского типа в Прихоперье, которые действительно обнаруживают очень высокую степень близости позднезарубинецким и раннекиевским древностям. Если раньше со времен В. В. Хвойка отечественные ученые почти безоговорочно связывали зарубинецкую культуру с ранними славянам¹⁵, то в последние десятилетия помимо славянской¹⁶ спектр ее возможной этнической атрибуции существенно расширился. Ряд археологов видят в зарубинцах не славян, а балтов¹⁷ или еще не разделившихся на отдельные этносы «балто-славян». В последние годы разрабатывается «бастарнская» гипотеза этнической принадлежности классической зарубинецкой культуры¹⁸. Исследователи более единодушны в поисках этнонима, за которым могли скрываться носители позднезаруби-

нецких древностей конца I—II в. Не так давно М. Б. Щукин выделил культурно-хронологический горизонт памятников типа Рахны — Почеп, образовавшийся после распада классической зарубинецкой культуры¹⁹. По сравнению с последней он представлял особое археологическое явление, отличительной чертой которого была ярко выраженная тенденция к унификации материальной культуры лесостепного населения в различных, иногда очень удаленных друг от друга районах Восточной Европы. М. Б. Щукин привел ряд новых аргументов в пользу возможной принадлежности носителей постзарубинецкой традиции *венедам* Тацита²⁰. Ко времени написания «Географического руководства» Птолемея (сер. II в.) они успели превратиться в один из «великих народов», населявших «Европейскую Сарматия». Как известно, позднее именно с ними Иордан связывал происхождение современных ему *склавинов и антов*, утверждая, что они произошли из одного корня [Get., 34, 119].

Для нашего исследования заключение М. Б. Щукина об этнониме *поздние зарубинцы* представляется очень важным, так как открытые А. А. Хрековым на Хопре поселения и могильники во многом оказались близки древностям горизонта Рахны — Почеп и памятникам самого начального этапа киевской культуры. Видимо, они действительно отмечают крайние восточные рубежи распространения многочисленного народа венедов, которые, по словам Тацита [Germ., 46], «*ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами (германцами в низовьях Дуная. — А. М.) и феннами (финно-угорскими племенами лесной зоны. — А. М.)*»²¹. Это сопоставление комуто может показаться слишком смелым, но в известной мере оно уже сейчас начинает подтверждаться археологическим материалом. Во всяком случае, на далекие западные истоки части керамического комплекса памятников инясевского типа определенно указывает находка серолощенной ребристой миски на поселении Шапкино II. Она покрыта орнаментом из соединенных свастик, крестов, ромбов, треугольников, характерным для центральноевропейской пшеворской и ранней вельбарской культуры²².

Однако данные археологии и письменных источников не дают полной уверенности в том, что «поздние зарубинцы» конца I—II вв. уже были ранними славянами или, точнее, еще праславянами. По мнению М. Б. Щукина, венеды — скорее всего еще носители балтских или балто-славянских диалектов, от которых славянские говоры отчленились позже²³. Так что на совре-

менном уровне археология, опираясь исключительно на свои материалы и методы, пока не может дать гарантии надежности этнической атрибуции хоперских древностей инясевского типа в качестве ранне- или праславянских. Для этого требуются иные, независимые от вещественных источников доказательства. О них речь пойдет ниже.

Почти то же самое следует сказать и о памятниках Верхнего Подонья, где в качестве основного культуuroобразующего компонента выступали традиции киевской культуры III — первой половины V в. Ее раннеславянская атрибуция не вызывает сомнений у большинства современных московских и киевских археологов²⁴. Р. В. Терпиловский, Н. С. Абашина, В. В. Седов считают, что киевская культура оставлена отдельной ветвью славян²⁵. Однако более пристальное знакомство с литературой по «киевской проблематике» показывает, что славянство населения этой культуры очень вероятно, но пока еще аргументировано весьма слабо. Нет сомнений, что позже она стала подосновой колочинской и отчасти пеньковской групп раннесредневековых памятников²⁶. Но далеко не все археологи-слависты согласны со славянской атрибуцией колочина, в нем усматривают и некоторые восточнобалтские традиции. Не все так однозначно и с пеньковской культурой, хотя раннеславянская, а точнее антская ее принадлежность «по единству места и времени» распространения достаточно хорошо обоснована в современной науке²⁷.

Дискуссионность проблем этнической принадлежности практически всех названных археологических культур Восточной Европы первой половины I тыс. н. э. во многом кроется в самой природе археологических источников. Как бы детально и изощренно археологи не изучали последние, в них самих все-таки не найти прямой информации, определенно указывающей на этнос оставившего их населения. Для разработки этноисторической проблематики необходимо выйти за рамки собственно археологического материала и обратиться к анализу иных видов источников, прежде всего письменных и лингвистических. Следует сказать, что до сих пор ни один из них не привлекался для исследования вопроса об этнической принадлежности тех трех групп памятников на Верхнем Дону и Хопре, о которых речь шла выше.

Сразу надо отметить практически полное отсутствие каких-либо данных о населении интересующего нас региона в позднеантичной и ранневизантийской исторической традиции, а там, где они все-таки есть, — их предельную скудость. И это вполне понятно. Верхнедонской регион оставался далеко за предела-

ми военно-политических интересов римлян и византийцев, которые были тогда сосредоточены на охране границ их империй. Тем не менее кое-какие сведения до нас все-таки дошли. Если Иордан, описывая события войн готов с антами конца IV в., видимо, не знает последних восточнее Днепровского левобережья²⁸, то у его современника Прокопия Кесарийского мы находим прямое свидетельство о пребывании этого многочисленного народа где-то в верховьях Дона. Так, при описании местоположения народов выше озера Меотиды историк вначале упоминает одно из гуннских племен — кочевников-утигуров: «А за ними, еще выше к северу, сидят бесчисленные племена антов» (*Bell. Goth.* VII, 4, 8—9)²⁹. В свое время М. И. Артамонов счел указанное сообщение явно ошибочным, ссылаясь на то, что никаких следов славянских поселений для этого времени здесь неизвестно³⁰. Теперь, после открытия на Верхнем Дону довольно уже многочисленных поселений и городищ, в том числе и гуннского времени, но по своему происхождению определенно связанных с культурами «полей погребений» Среднего Поднепровья, ситуация изменилась радикально. На таких селищах, как Замятино 5, судя по найденной там пальчатой фибуле, жизнь продолжалась как минимум до рубежа V—VI вв., т.е. до времени, описанного в «Войне с готами». Во всяком случае, теперь единственное сомнение М. И. Артамонова в достоверности этого важного свидетельства Прокопия как будто отпало. Поэтому, мне кажется, сейчас вполне допустимо распространить этноним *анты* и на население, обитавшее в середине I тыс. н.э. на верхнедонских поселениях типа Чертовицкое III — Замятино.

Как известно, *анты* это не самоназвание, а иноназвание, причем собирательное. Безусловно, оно неславянского происхождения. В наиболее вероятном переводе с иранского этникон «*анты*» мог означать «окраинные», «живущие на краю». Как видно, он очень подходит и для племенной группировки, оставившей верхнедонские поселения и городища, которые действительно располагались на далеких восточных рубежах формирующегося раннеславянского мира. Судя по археологическим данным, пришельцы из Поднепровья наложились здесь на местный субстрат. Это могли быть остатки верхнедонского сарматизированного населения, возможно, еще ираноязычного. Сейчас появляются основания говорить о праславяно-иранском симбиозе и на Верхнем Дону. Во всяком случае, здесь известны отдельные грунтовые погребения с ингумацией, синхронные поздним

поселениям типа Чертовицкое—Замятино, но сохранившие многие сармато-аланские традиции³¹.

Для этнолингвистической атрибуции новых групп населения, осевших в лесостепном Подонье между II и V вв., сейчас появилась возможность привлечь топонимические данные. Недавно О. Н. Трубачевым выявлен ряд очень архаичных славянских названий рек, главным образом в бассейне Верхнего и Среднего Дона и в меньшей степени в Днепро-Донском междуречье: *Калитва, Непрядва, Идолга, Излегоща, Иловой, Снова, Щигор* и др.³² Это преимущественно гидрографические термины, характеризующие особенности воды, ее течения с элементами специфической семантики, с реконструируемым праславянским причастием от несохранившихся в славянских языках глаголах. По заключению О. Н. Трубачева, по всем признакам это древнейший разряд гидронимов. В. В. Седов уже предпринял попытку наложить их на карту раннесредневековых восточнославянских культур VIII—IX вв.: волынцевской, роменской, боршевской, ранневятической³³. Но, как мне представляется, ожидаемого совпадения ареалов древнейших славянских гидронимов и восточнославянских археологических культур конца I тыс. н.э. не получилось. Не получилось потому, что реликтовые славянские гидронимы зафиксированы также в верховьях Хопра и Вороны, где боршевские или какие-либо другие славянские древности конца I тыс. до н.э. не известны. Зато открытый О. Н. Трубачевым *архаический гидронимический пласт удивительно точно совмещается с ареалом киевской культуры, включая верхнедонскую и хоперскую группы памятников*. Причем в верховьях Хопра и Вороны скопления таких гидронимов практически полностью совпадают со сгустками памятников инясевского типа. Более того, наличие нескольких архаических гидронимов в Правобережье Волги также может найти убедительное объяснение в материалах археологии интересующей нас эпохи. В последнее время там стали известны памятники, близкие инясевским, например Алексеевское и Чардымское городища в окрестностях Саратова, поселение у с. Куриловка и др.³⁴

Принадлежность верхнедонского населения одной из раннеславянских группировок, возможно, подтверждают и последние исследования С. Л. Николаева. По его заключению, широко распространенные «верхнедонские говоры» относятся к выделенной им «антской» группировке, диаметрально противоположной «вятической»³⁵. Географическое расположение большинства диалектов первой группы позволило лингвисту связать их с антским

племенным союзом и соответственно с «антским» вариантом праславянской археологической культуры. Правда, со ссылкой на В. В. Седова он считает таковой культуру пражско-пеньковского типа» V—VII вв. Но в свете последних археологических открытий не исключено и несколько более раннее проникновение носителей этих диалектов в Подонье, так как ареал киевской культуры III—V вв. во многом совпадает с выросшей из нее пеньковской, особенно в Днепровском Левобережье³⁶.

Итак, новые археологические открытия, а также сведения позднеантичных и византийских авторов и, что особенно важно, лингвистические источники свидетельствуют о появлении на Хопре и Дону между II и V вв. новых групп населения, своими корнями изначально связанных с этнокультурными образованиями Днепровского Левобережья. В лесостепном Подонье и Прихоперьи, по данным археологии, удастся проследить не менее трех разновременных волн переселенцев с запада. Наиболее ранняя из них, относящаяся ко II в., докатилась до Прихоперьи и оставила там следы в виде древностей инясевского типа. Вполне возможно, что за ними еще скрывались загадочные венеды римских авторов. Не ранее III в. начинается проникновение на Верхний Дон отдельных групп киевского, а позже смешанного киевско-черняховского населения из Левобережья Днепра. Скорее всего, оно уже говорило на диалектах праславянского языка и позднее стало известно Прокопию Кесарийскому под именем антов.

Безусловно, высказанные выше соображения об этнической принадлежности племен, заселивших лесостепное Подонье на исходе древности, во многом носят гипотетический характер и требуют дополнительной проверки. Однако в контексте этнокультурной ситуации, сложившейся в Восточной Европе к эпохе Великого переселения народов, иные заключения об этносе обитателей лесостепных верхнедонских и хоперских поселений выглядят менее убедительно. Отдельного исследования требует тема о характере взаимоотношений верхнедонских групп населения IV в. с готской «державой Германариха» и о его связях с позднеантичным Танаисом IV—V вв., заселенном варварами. По-видимому, мы только начинаем нащупывать важнейший рубеж в этнической истории региона, с которого начинается расселение здесь первых славян.

¹ См.: М е д в е д е в А. П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990.

² См.: М е д в е д е в А. П. Сарматы-гиппофаги // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 129—132.

³ См.: М е д в е д е в А. П. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи. Ростов н/Д, 2000. С. 233—255.

⁴ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 177, рис. 36; Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. М., 1993. С. 15; Щ у к и н М. Б. На рубеже эр. СПб., 1994, рис. 85; С е д о в В. В. Славяне в древности. М., 1994, рис. 77; 113; К а з а н с к и М. Les Goths. Paris, 1991. Карта на с. 7.

⁵ См. статьи Д. В. Акимова, А. П. Медведева, А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского в сб. «Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э.» (Воронеж, 1998).

⁶ См.: М е д в е д е в А. П. О времени появления славян на Дону // Археология и история Юго-Востока Древней Руси. Воронеж, 1993. С. 24—26.

⁷ См.: О б л о м с к и й А. М. Этническая ситуация в лесостепном Подонье в позднеимское время // Проблемы славянской археологии: Труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 1. С. 235—246.

⁸ См.: О б л о м с к и й А. М. К вопросу о присутствии протославян в лесостепном Подонье // Тез. науч. конф., посв. основателю Липецкого обл. краеведческого музея Трунову М. П. Липецк, 1995. С. 57—58; О б л о м с к и й А. М. Деякі зауваження з приводу пам'яток пізньоримського часу в лісостеповому Подонні // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. э. Київ; Львів, 1999. С. 160, 169.

⁹ См.: О б л о м с к и й А. М. Раскопки поселения Замятино 8 в лесостепном Подонье // Археологические открытия 1998 года. М., 2000. С. 135.

¹⁰ См.: Х р е к о в А. А. К вопросу о характеристике раннесредневековых памятников лесостепного Прихоперья // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск, 1991. С. 84—86; О н ж е. Грунтовый могильник с сожжениями на западе Саратовской области // Археология восточноевропейских степей. Саратов, 1991. Вып. 2. С. 116—126; О н ж е. Раннесредневековое поселение Шапкино-2 в лесостепном Прихоперье // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995. С. 3—15; О н ж е. Культурное место Шапкино II и некоторые вопросы мировоззрения постзарубинцев Прихоперья в первые века нашей эры // Археологическое наследие Саратовского края (охрана и исследования в 1997 году). Саратов, 1999. Вып. 3. С. 74—89.

¹¹ См.: Х р е к о в А. А. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья // Проблемы славянской археологии: Труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 3. С. 325.

¹² См.: Х р е к о в А. А. Проблемы этнокультурного развития населения лесостепного Прихоперья в первые века н.э // Российский

исторический журнал. 1994. № 1. С. 56; О н ж е. Культовое место Шапкино II и некоторые вопросы мировоззрения постзарубинцев Прихоперья в первые века нашей эры. С. 85.

¹³ См.: С е д о в В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 38—43; Славяне Юго-Восточной Европы. С. 335; Славяне и их соседи. С. 6, 95—96; Щ у к и н М. Б. Указ. соч. С. 27.

¹⁴ См.: Славяне Юго-Восточной Европы. С. 195.

¹⁵ См.: Х в о й к а В. В. Поля погребений в Среднем Поднепровье // ЗРАО. Новая серия. 1901. Т. 12, вып. 1—2. С. 172—190; О н ж е. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913. С. 95—101.

¹⁶ См.: Р ы б а к о в Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 30—36.

¹⁷ См.: С е д о в В. В. Указ. соч. С. 74—78.

¹⁸ См.: Щ у к и н М. Б. Забытые бастарны // Stratum plus. 1999. № 5. С. 75—90.

¹⁹ См.: Щ у к и н М. Б. Горизонт Рахны — Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 26—38.

²⁰ См.: Щ у к и н М. Б. На рубеже эр. С. 241—244, 282.

²¹ Текст «Германии» цитируется в переводе А. С. Бобовича (см.: К о р н е л и й Т а ц и т. Соч. в двух томах. М., 1993. Т. 1. С. 372—373).

²² См.: Х р е к о в А. А. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья. Рис. 3:19.

²³ См.: Щ у к и н М. Б. На рубеже эр. С. 283. Недавно этой проблеме посвятил статью Р. В. Терпиловский (см.: Т е р п и л о в с к и й Р. В. Населення лісової зони Подніпров'я I тис. н. е. — балти чи слов'яни? // Єтнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. э. С. 297—305).

²⁴ См.: М а к с и м о в Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982. С. 162—165; Т е р п и л о в с к и й Р. В. Ранние славяне Подесенья III—V вв. Киев, 1984.; Славяне Юго-Восточной Европы. С. 200, 351—353; Славяне и их соседи. С. 122.

²⁵ См.: Т е р п и л о в с к и й Р. В., А б а ш и н а Н. С. Памятники киевской культуры. Киев, 1992; С е д о в В. В. Восточнославянская этноязыковая общность // ВЯ. 1994. № 4. С. 4.

²⁶ См.: Славяне Юго-Восточной Европы. С. 351.

²⁷ См.: С е д о в В. В. Анты // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 164—173; П р и х о д н ю к О. М. Анты и пеньковская культура // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 58—69; В и н о к у р І. С. Анті І склавіни у світлі нових археологічних досліджень // Єтнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.э. Київ-Львів, 1999. С. 61—67; Л ю б і ч е в М. В. Пенківська культура: ще раз про територію та етнічну приналежність // Єтнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.э. С. 123—131.

²⁸ См.: С к р ж и н с к а я М. В. Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 218.

²⁹ Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. 1. С. 201.

³⁰ См.: А р т а м о н о в М. И. История хазар. Л., 1962. С. 110.

³¹ См.: М е д в е д е в А. П. Сарматы и лесостепь. С. 73—77.

³² См.: Т р у б а ч е в О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. С. 199—206; О н ж е. Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // ВЯ. 2000. № 5. С. 14—15.

³³ См.: С е д о в В. В. Русы VIII—IX вв. // Этимологии 1997—1999. М., 2000. С. 146—152. Карта на рис. 1.

³⁴ См.: Х р е к о в А. А. Указ. соч. С. 336; Ю д и н А. И. Алексеевское городище: от средней бронзы до позднего средневековья (по итогам исследований 1998—1999 гг.) // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000. С. 195—196. Рис. 35.

³⁵ См.: Н и к о л а е в С. Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ. 1994. № 3. С. 34—39.

³⁶ См.: П р и х о д н ю к О. М. Пеньковская культура. Воронеж, 1998. С. 21, 77; О б л о м с к и й А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середица 3 — вторая половина 5 в. н. э.): Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 42—45; М а г о м е д о в Б. Черняховская культура (проблема этноса). Люблин, 2001. С. 148.

А. Н. Акинъшин

**АРХЕОЛОГ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЗАМЯТНИН
(1899—1958)**

воронежские страницы биографии

О выдающемся советском археологе, специалисте в области палеолита и мезолита, Сергее Николаевиче Замятнине опубликовано немало статей, анализирующих его вклад в изучение древнейшего прошлого человечества. В большинстве случаев речь идет и о биографии самого ученого¹, но варьируются одни и те же факты, весьма скудные и не свободные от ошибок (иногда даже в фамилии²). О Замятнине — коллекционере экслибрисов писал О. Г. Ласунский³. Столетний юбилей С. Н. За-